

Как-то раз, на вечеринке по поводу какого-то праздника я засиделся у одного приятеля. Было многолюдно, большинство гостей я видел впервые, и когда мне представляли новых людей, я быстро забывал их имена. Так случилось, что разговор зашел об одной девушке, которую все почему-то незаслуженно обходили вниманием. Приятель сказал мне:

— Видишь вон ту рыженькую. Как тебе?

— Красавица. Она что, одна?

— Застенчивая очень. Кстати, говорят, как раз на твой вкус... Ну, ты понимаешь, любит, когда с ней поглубже. Не хочешь познакомиться? Вмиг устроим.

— Давай.

Он подвел меня к ней, назвал мое имя, затем ее (к стыду своему, его я тут же забыл) и оставил нас вдвоем. Я решил действовать без промедления:

— Здесь душно. Прогуляемся?

— Что? — она удивилась.

— Пошли, говорю! — я схватил ее за руку и повел прочь из квартиры.

Она вяло сопротивлялась. Я вывел ее и потащил через улицу к себе домой, задавая по пути идиотские вопросы о том где она учится, где живет и все прочие подобные глупости. Она отвечала односложно или отмалчивалась, не прекращая, однако, своих попыток освободить свою маленькую нежную ручку от моей мертвой хватки. Я не уступал. С силой я затащил ее в свою квартиру. Она начала потихоньку кричать и звать на помощь. Я захлопнул входную дверь. Теперь было видно, что она по-настоящему испугалась. Она испуганно озиралась, а когда я, взял из шкафа бинт, начал приближаться к ней, она громко завизжала. Повалил ее на кровать, придавил своим весом и закрыл одной рукой ее рот. Второй я размотал бинт и скрутил его в жгут. Она больно укусила мне ладонь, я одернул ее и тут же обвязал этот жгут вокруг головы, так что он попал ей в рот и крепко завязал его на затылке. Кричать она больше не могла.

Я привязал ее руки к изголовью и так широко развел ноги, так что длинные каблуки туфель почти касались пола с обеих сторон кровати. Я снял с нее туфли и поцеловал пальцы на ее ноге. За это мне досталось по зубам, но я продолжал щекотать языком ее пятку еще некоторое время. Привязывая крепче ее ноги к ножкам кровати, я так сильно натянул бинты, что девушка начала с удвоенной силой мычать сквозь бинт. Я поднялся с пола и наотмашь ударил ее по лицу, она заткнулась и из ее глаз потекли слезы. Она была все еще одетой, мне не пришлось в голову раздеть ее до этого. Я немного отошел и взглянул на результаты своей деятельности: мне понравилось.

Девушка была очень мила лицом, а ее фигура просто сводила меня с ума: поднятые вверх руки отчетливо заставили подняться вверх ее груди, она испуганно дышала и они поднимались и опускались — было очень красиво. Ее молодые соски явственно проступали сквозь тонкую белую футболку, показывая отсутствие лифчика, а футболка, прежде заправленная в джинсы, очень эротично задралась вверх, обнажив тонкую талию и аппетитный пупок. Я нежно провел ладонью по ее животу. Она, едва заметно вздрогнула и с тревогой посмотрела мне в глаза. Джинсы, и так обтягивающие ее стройные ноги, в том месте, где они переходят в нечто другое, натянулись так, что по контуру стало возможным

различать трусики.

Отвернувшись, я вышел из комнаты и пошел за ножом. Снять с нее одежду, не развязывая, не представлялось возможным — я вовсе не хотел рисковать. Воспользоваться ножницами мне не пришло в голову, ведь нож опасен, а потому — возбуждающ. Я вернулся к девушке и провел тыльной стороной ножа по ее шее. Она задергалась (насколько это позволяли связанные руки и ноги) и умоляюще посмотрела на меня. Я ухмыльнулся и спросил:

— Ты не будешь кричать? Я хочу развязать тебе рот. Ты будешь хорошей девочкой?

Она кивнула. Уже острием я приставил нож к ее горлу и другой рукой развязал ей рот. Она молчала и испуганно смотрела на меня. Я прикоснулся губами к тому месту импровизированного кляпа, которое находилось у нее во рту. Ткань была прохладной и влажной. Я провел языком по губам девушки. Она не отреагировала. Я убрал нож:

— Ну вот и славноенько.

— Что ты собираешься делать? — ее голос заметно дрожал.

— А как ты думаешь?... Любить буду.

Некоторое время мы молчали. Я опомнился и начал помаленьку разрезать ее одежду. Она смотрела на нож и сглатывала слюну. Но молчала. Сначала я разрезал посередине футболку. Открылись великолепные молодые груди, я поцеловал их и провел руками вдоль ее тела — от талии до подмышек. Затем я начал долго и не останавливаясь мять, гладить и целовать ее груди, закручивать соски и облизывать их. Потом я водил ладонью по внутренней стороне ее бедер и (сквозь джинсы) по входу в ее шелку. Сначала она шептала:

— Не надо, не надо, мне больно... Пожалуйста, не надо...

Затем замолчала, а через несколько минут природа взяла свое: она уже откровенно стонала, а джинсы увлажнились и темным пятнышком проступил через дав слоя ткани ее молодой сок. Я увидел, что уже пора и начиная от пола начал разрезать ближайшую ко мне штанину ее джинсов. кое-какие трудности подстерегали меня в области колена, и я немного порезал ее ногу прежде чем преодолел это препятствие. Она чуть вскрикнула. Я поцеловал порезанное место и облизал ее кровь. Она была горячей и немного приторной. Я снова лизнул порез, но кровь все же немного проступала. Я начал работать ножом дальше более осторожно и дошел до начала штанины. Кончик ножа уткнулся в ее горячую шелку. Она снова вскрикнула. Я расстегнул молнию на ее джинсах и с силой порвал их до места разреза.

Немного спустив их по второй ноге, я сорвал с нее трусики и провел рукой по точащему соками влагалищу. Потом еще раз и еще. Я вставил несколько раз в ее недра смоченный ее же соками палец. Затем я сложил ладонь лодочкой и вставил в ее шелку четыре пальца по самые костяшки, потом пять. Она громко стонала. Я попытался было просунуть руку дальше, но ее стоны стали переходить в крик и я оставил эту затею. Я забрался на кровать и, раздвинув пальцами ее набухшие губки, начал тереть языком и кубами ее клитор. Она стонала и визжала, извиваясь и двигая тазом. Потом она между стонами сдавленно крикнула:

— Сделай это... Сделай, я хочу!... Рукой...

До меня сначала не дошел смысл ее слов, но потом я понял, что она имела ввиду, и, оторвавшись от клитора, я снова попытался просунуть руку в ее вход. Я действовал осторожно, то просовывая пальцы, то убирая их и наконец мне удалось вставить руку по самую кисть. Я чувствовал согнутыми кончиками пальцев шейку ее матки. Я начал перебирать пальцами в ее влагалище и она так начала так дико кричать, что я уж подумал, что повредил ей там что-то. Однако крики эти были сладострастными: она повторяла:

— Да, еще, еще, еще!..

Потом она часто-часто задергала тазом и через минуту остановилась. Она кончила. Я осторожно вытащил руку и посмотрел на нее. Ее глаза светились благодарностью, голова в изнеможении лежала на подушке. Тут я вспомнил про собственный член. Он практически с того момента, как мы зашли в мою квартиру находился в возбужденном состоянии, и, упираясь в штаны, уже сильно болел. Я освободился от одежды и сел сверху девушки, перекинув одну ногу через ее тело. Стоя на коленях, я поднял голову девушки и попробовал вставить член ей в рот. Дальше головки дело не пошло, поза была неудобной. Тогда я поднял с пола нож и перерезал веревку на ее руках, чтобы отцепить их от кровати. Затем я приподнял девушку, зашел к ней сзади и связал ей руки за спиной. Она не сопротивлялась.

Я пододвинул ее вперед так, чтобы привязанные ноги доставляли меньше неудобства, и она смогла устойчиво сесть. Ее ноги расширились теперь очень сильно, колени перегибались как раз по краям кровати. Я встал на кровать перед ней и прислонил ее голову к своему члену. Она взяла его в рот и я стал водить членом в ее рту сначала потихоньку, только головкой затем член стал проникать в горло и стал уходить по самую мошонку. Я быстро и обильно кончил прямо в ее тонкий ротик. Она с трудом проглотила всю сперму и сказала:

— Слабак.

— Не слабак, просто пере возбуждился, — возразил я, уже чувствуя, как член поднимается снова. Я толкнул ее и она упала на свои связанные руки. Я вставил член в ее щелку и стал быстрыми движениями «трамбовать» ее. Мой член быстро набух и укрупнился. Я не снижал темпа, она кончила один раз, второй, а на самом подходе третьего я резко вытащил член. Она взмолилась:

— Ну пожалуйста! Еще, пожалуйста!

Я же, решив отомстить ей за то, что она назвала меня слабаком, уже разрезал бинт на ее ногах. Освободив ее ноги, я снял с нее то, что осталось от джинсов и скинув ее на пол, поставил на колени и нагнул ее так, чтобы она лицом упиралась в пол. Придерживая ее одной рукой, я вошел в нее, чтобы смочить член и сразу же резко вставил член в ее анус. Она вскрикнула и начала вырываться. Я подхватил ее за живот и заработал своим членом в ее анусе. Судя по всему, это был ее первый анальный контакт, так как из ануса заструилась кровь и она его сильно сжимала. Я сказал:

— Расслабься, и не будет больно.

Мне пришлось повторить ей это несколько раз, пока она не сделала это. Мои движения стали свободнее, и я отпустил ее живот, вставил два пальца в ее мокрую щелку и начал перебирать ими, нащупывая, как ходит в заднем проходе мой член. Это привело ее в экстаз и она кончила еще пару раз, пока я не выплеснул в ее анус порцию спермы. Вытащив член, я понаблюдал, как сперма вытекает из ее покрасневшего и расширенного прохода, смешиваясь по дороге с кровью. Она легла на живот и не двигалась, только немного перебирала пальцами связанных рук. Я прилег рядом с ней и поглаживал ее по спине и волосам. Прошло несколько минут перед тем, как я спросил:

— Тебе понравилось?

— Да, — прошептала она и попросила, — Развяжи меня... Пожалуйста.

Я разрезал бинт на руках, повернул ее на спину и нежно поцеловал ее. Потом мы долго лежали, прижавшись, и смотрели друг другу в глаза. Потом я дал ей кое-что из своей одежды, и она пошла домой, я проводил ее до подъезда.

Позже она призналась мне, что я первый в ее жизни мужчина, с которым ей удалось достигнуть оргазма. Мы стали часто встречаться и проводить такие безумные ночи. Теперь мы женаты, у нас сын, которому уже восемь лет и мы каждую ночь творим такие безумства, и оба счастливы. Я рад, что все так удачно сложилось. Мы любим друг друга, как, наверное, никто на свете. Уверен, это бывает раз на тысячу, когда такие люди, как мы, находят друг друга